

Очерки Кемского поморья (Из поездки по Белому морю в карбасе)

(Окончание) *)

Село Шуга.

А вот и Шуерецкий бар! — воскликнули женики, когда наш карбас въехал в прекрасную, защищенную от непогоды каменными грядами и валунами, бухту. От морского берега до села — час езды по р. Шуге, богатой отмелами и низкой¹⁾, среди которых карбасу все время приходится искусно лавировать. По берегам устья да и самой реки почти на каждом из выступов красуются крестьи. Этих памятников в Поморье можно встретить на всех перекрестках улиц, на всех дорогах..., но такого обилия их, как здесь, я еще не встречал нигде. Зантересованный этим явлением, я пытался объяснить его себе путем распроса „женок“, но добиться от последних ничего существенного так и не удалось.

Видно было, что „женки“ или сами не знали историю этих таинственных памятников, или, просто, не хотели поведать постороннему лицу их тайны. Впоследствии однако я узнал, что эти памятники знаменуют известные житейские события вроде радостной встречи, разлуки, смерти близкого человека, благополучного окончания в морском плавании, случайног спасения от морского потопа (крушения) во время морских штормов и бурь и т. п. Некоторые из этих памятников, уже ставшие от времени, замены новыми. Кресты эти переходят по наследству — от

отца к сыну, от матери к дочери и составляют предмет постоянного почечения рода, о чем свидетельствуют лоскуты материй и другие тряпки, навешенные на крестах.

Вскоре из-за мыса показался купол церкви, и перед нашими взорами стала развертываться центральная часть поморского села Шуги. „Женки“ убрали парус и дружно взялись за весла. Мы обогнали карбасы с „женками“, возвращавшимися в село с ягодами. Наконец, потянулся симметричный ряд домов, смотревших на нас с высокого берега; а слева за домами показались строения железнодорожной станции „Шуерецкой“. Здесь Мурманская ж. д. свою стальной лентой проложила себе путь по задворкам села, оживив тем нудную до сего жизни последнико. По мере нашего приближения к селу, резвившиеся на улицах дети махали нам шапками и руками. На помостах пристаней шуеречанки полоскали белье, громко обменявшиась друг с другом новостями дня.

Село Шуга одно из красивейших поморских сел. Оно расположено на равнине, откуда видна значительная часть окружающей живописной окрестности. Перед многими домами рассажены деревья, благодаря коим село выигрывает еще более. В селе насчитывается коренного населения до 1050 душ. Будучи в соседстве с карельским населением и часто родняясь с последним, шуеречане представляют из себя какую-то смесь по выговору; нередко приходится слышать фразы, скомбинированные из двух наречий, русского и карель-

*) См. № 1.

¹⁾ Толкий илисто-земляной грунт отмели с веками разлагающейся в нем растительностью, от чего в передних случаях исходит зловоние.

скога. Выговор вообще выговор Поморья в целом характерную особенность сочетания букв оттенки; осебен метко в выговоре шуеречанкой, гнилия, вия, ция.

Среди населения выделяются рыбаки, работающие на жерлах ветских учреждений.

На Мурманской мысы отсюда и других поморских общего числа в недавнем прошлом до 85 промыслового типа, на которых Мурман здешний промысловый флот сократился, но сие время они и соседних рыбаков цифрово доходно речанами из их нельзя призна тельной, ибо ности любого Г чина такого состояния проясняется их от других сел. В поморские прачевывают сюда новые станови должны отсы логой²⁾, обладающие запамятных в ПерIODически в омывающих вища водах уже давным-давно сюда в другие.

Отъезжают обыкновенно лишь с первым образом, в лодках принимать в служащих праж. д., село на порожении „».

²⁾ Одно из мест Мурмана.

ского. Выговор слов здесь, как и вообще выговор жителей Кемского Поморья в целом, имеет свою характерную особенность в звуковом сочетании букв — мягко цокающие оттенки; особенно это „цоконье“ заметно в выговоре слов женциною—шуречанкой, например: цай, дельния, вия, цышка, цёго, цюдо и т. д.

Среди населения Шуи преобладают рыбаки, и лишь немногие работают на железной дороге и в советских учреждениях.

На Мурманский тресковый промысел отсюда уходил более, чем из других поморских сел,—свыше 40% общего числа населения села. Еще в недавнем прошлом шуречане имели до 85 промысловых судов разного типа, на которых и уходили на Мурман здешние поморы. Теперь же промысловый флот Шуи значительно сократился, но тем не менее и по сие время он имеет первенство среди соседних рыбачьих сел. К сожалению, цифру доходности, извлекаемой шуречанами из их трескового промысла, нельзя признать особенно впечатльной, ибо она уступает доходности любого Поморского села. Причина такого, далеко не цветущего состояния промысла шуречан объясняется их отсталостью от поморов других сел. В то время, как другие поморские промысленники перекочевывают с каждым почти годом в новые становища, шуречане же продолжают отсиживаться в своей „Золотой“¹⁾, облюбованной еще с незапамятных времен их предками. Периодические неуспехи лова рыбы в омывающих берега этого становища водах доказывают, что рыба уже давным давно перекочевала отсюда в другие места Мурмана.

Отъезжают рыбаки на промысел обыкновенно в мае возвращаются в соседстве с первыми заморозками. Таким образом, в летнее время, если не принимать в внимание рабочих и служащих при ст. „Шурецкая“ М. д., село находится всецело в распоряжении „женок“.

¹⁾ Одно из маленьких рыбачьих становищ Мурмана.

Шурецкая женщина, как и всякая поморка, очень трудолюбива. С высоко поднятым на животе сарафаном и кожанных „ступнях“ (котах) она все дни за работой; а работы у поморки хватает: справы мужа и детей из Мурман, генеральная чистка от пола в избе до столовой ложки в хозяйстве, сбор морошки, сенокосная страда, сбор северных ягод, заготовка ягеля для корма оленей и коров, сбор грибов. Нужно еще заработать и „копейку“ на сарафан; иначе говоря, „торгнуть“ своими продуктами на станции „Шурецкой“. Почти каждый из пассажирских и прочих поездов осаждает толпа импровизированных торгащей, преимущественно из старух, женок, стариков и детей. Чего-чего не предлагается здесь на деньги и даже в обмен на фабрикаты: и молоко всех видов, и яйца сырья и вареные, и ягоды, и рыба свежая, соленая и даже жареная... Изредка шуречанки даже не преминут „заработать копейку“ и на подводе. Наem в подводу в качестве гребцов когда-то служили прибыльным зароботком для здешних женок, но с введением регулярного пароходного сообщения между селами Поморья на морю с одной стороны и проведение железной дороги — с другой свел этот зароботок на нет. И лишь изредка им удается составить поездку на карбасе до Кеми и Сороки за „хорошую цену“ или за прогоны по наряду Волисполкома. Этот источник доходности теперь в глазах шуречанки является „овчинкою—не стоящую выделки“.

Женский элемент здесь находился до настоящего времени на низкой ступени культурного развития. Религиозность среди „женок“ развита до фанатизма. Среди них сильно распространено старообрядчество, что объясняется влиянием близкого соседства старообрядческой общиной, основанной в 4-х верстах от с. Шуи неким Макарием, выросшей в настоящее время в целый поселок, благодаря щедрот здешних богатых староверов.

Поморка-шуречанка в семейной жизни, как и всякая поморка, не отличается твердостью правил. Прикрываясь внешнею личиной бабьей скромности и считая предсудительным прогулку по улице с чужим мужчиной под ручку, она не прочь от интимных встреч и свиданий. Такие нравы поморок коренятся в их социальном положении—с самого ее появления на свет отводилось ей в семье помора последнее место; на нее здесь и по сейчас смотрят как на создание низшего порядка; она находится в рабском повиновении старших в семье мужчин. До замужества она раба—своего супрового отца, не считающегося с ее желаниями и заглушающего в ней всякие здоровые чувства; а с выходом в замужество—она становится уже рабыней своего нового „господина мужа“, зачастую пьяницы и гуляки...

В с. Шуе красуются две церкви, из коих одна насчитывает себе уже не одно столетие и в истории Шуи составляет замечательный памятник зодчества и археологической ценности. Из волостных учреждений и организаций имеются здесь: Волисполком, сельская школа 1-й ступени, поч.-тел. отделение, кооператив, клуб-театр культуры и детский воспитательный дом. Внутренняя жизнь этих организаций находится в данное время почти в безпрерывной борьбе с симптомами невежества, некультурности и темноты здешнего помора, как наследие пресловутого прошлого.

На пути в Сороку.

На другой день я снова был в карбасе, который через час—два вышел в открытое море.

Погода выдалась на этот раз пасмурная и, повидимому, путешествие в карбасе не обещало нам доставить особого удовольствия. Равнодушно я смотрел на встречные „луды“, которые казались мне какими-то безформенными, нудными. Мое желание

было—поскорее добраться до с. Сороки. Вместо недавней зеркальной синеющей зыби сегодня по морскому пространству катились волушки, с шумными вслесками разбиваясь о прибрежные рифы и скалы „луд“ островков. То тут, то там по морю засыпали пенистые гребешки—предвестники бури.

— „Заиграла в море пена—будет ветру перемена“ не без гордости знатока произнес с кормы „старик-кормщик“, сменивший „женку“, руководившую карбасом до Шуи. И затем как-то уже не смелым голосом, но в то же время, как мне показалось, и испытующим тоном обратился ко мне: вы кто будете, добрый человек, по каким делам едете и откуда? — А затем помолчав, добавил: „нельзя ли побеседовать с вами о паре слов?“ Повидимому, старик хотел воспользоваться случаем побеседовать с бывалым человеком, каким он очевидно, признал меня.

— „Я, дедушка, сейчас еду из Кеми на Суму, попутно знакомясь с житьем-бытьем вашим и побеседовать с вами сочту за удовольствие“. „Пожалуйста“. Без стеснений я поддвигаясь к нему по ближе.

Мой собеседник оказался одним из тех магикан—поморов, которым в былое время и холод, и голод и нужда были ни почем. Его коренастая, теперь немного сгорбленная, фигура говорит еще о былом величии—поморской богатырской ухватке в безпрерывной борьбе за кусок хлеба с морской стихией супрового, как и он сам, дедушки-океана. Глубокая складка пролегающая между глаз к носу морщин указывает на прожитые им 75 лет: много пришлось вынести на этой, теперь рубцевато-жилистой шее жизненных неудач... А выражение глаз скрытых под густо-нависшими длинными ресницами говорят за его непреклонную твердость и суровость отца-рутинера и властелина семьи.. Между тем, старик достал из кармана табличку и с наслаждением потянул в себя „ароматического порошка“.

— „Привычно отступиться“ отметил он: „у что я побезумствовал, старику нужно думать, а мне что по свету бояться). . Говорят, неу烦ожий хлеб мухи какие-то выбило, да здравствует Правда-лицо! люди, чтобы темных людей онемеди становища говорят собираются на

Всем интересно долго мы его успокаивали на чем не такие какие „басуринды“ не собирались покончили с собой, первым приступом только что было хозяйство... Затем разговор перешел, на котором просил воздуха.

— „До чего человек?! Вы Сатана тоже так его за это поднюю... Вы бог и сатана Я отрицаю

— „Ну, то обрадовался блеснуть первием древних

„Досельные что до сотово неба, ни земли, вода, по которой в одной утке а в другой—строить землю в море, при „господи благослови“ сказал это

¹⁾ Так старожилы всех без исключения славного вероятно лингвистов пред-

тесься до с. Со-
й зеркальной
и по морскому
валушки, с
разбиваясь о
скалы „луд“ и
так по морю
бешки—пред-

е pena—будет
без гордости.
рмы „старик-
женку“, руково-
ди Шуи. И за-
тем голосом,
мне показан-
томоном обра-
буете, доб-
делам едете-
ем помолчав,
обеседовать с
Повидимому,
зоваться слу-
шывалым чело-
веком. признал

ейчас еду из
но знакомясь
им и побеседо-
довольствием.
есений я по-
ближе.

азался одним
ров, которым
д, и голод и
то коренастая,
енная, фигура
величин—по-
ухватке в без
кусок хлеба с
вого, как и он
убокая склад-
у глаз к носу
прожиты им
сть вынести на
то - жилистой
... А выраже-
густо-навис-
циами говорят
твердость и
ера и власте-
ем, старик до-
инку и с нас-
себя „арома-

— „Привычка! Не можно никак отступиться от этого зелья,“ — заметил он: „уж вы меня извините, что я побеспокою вас!.. Глупому старику нужно бы о будущем теперь думать, а мне еще хочется знать— что по свету белому деется (делается).“ Говорят, опять там—на юге-то неурожай хлебушка; весь, говорят, мухи какие-то повыели, градом повыбило, да засухой повысушило... Правда ли это, али врут неупечевые люди, чтобы смущать, значит, нас темных людей?.. Да еще я слышал, ономедни мужик тут из наших со станции говорил, что „басурманы“ ¹⁾ собираются на нас войной?..“

Всем интересующийся старики-помор долго меня спрашивали, а я его успокаивал, что последние слухи ни на чем не обоснованы, и что никакие „басурманы“ на насвойной идти не собираются, что мы уже покончили с нашими врагами и теперь приступаем чинить прорехи только что бывшей разрухи в нашем хозяйстве... Затем с политики у нас разговор перешел на науку и в частности, на затронутый стариком вопрос о воздухоплавании.

— „До чего, подумаешь, додумался человек?! Выше бога захотел быть!.. Сатана тоже хотел быть выше бога, так его за это бог сверзил в преисподнюю... Вы ехали причути, как бог и сатана творили мир земной?“

Я отрицательно мотнул головой.

— „Ну, тогда я вам расскажу“, — обрадовался старики возможность блеснуть передо мною своим знанием древних легенд.

„Досельные люди рассказывали, что до сотворения мира не было ни неба, ни земли, а была только одна вода, по которой плавали две утки: в одной утке заключался сам бог, а в другой—сатанаил. Бог придумал строить землю и послал сатанаила в море, при чем велел ему сказать: „господи благослови!“ Сатанаил-же не сказал этого, а пошел молча; там

¹⁾ Так старожилы Поморья называют почти всех без исключения иностранцев не православного вероисповедания и отрицающих религиозные предрассудки.

он, на дне-то морском, захватил полные горсти земли, и когда пришел на поверхность земли, то у него в руках не оказалось ничего. Он скользил в другой раз и тоже вернулся с пустыми руками; в третий же раз уходя он сказал: „будь-же по твоему!“, но не сказал—„господи благослови!“ и зачерпнув полные горсти земли, как и в те оба раза, возвратился на поверхность воды, но земли удержалось у него в руках не много. Бог-же взял из правой руки сатанаила землю в свою правую руку и разбросал ю (ее) по воде и на том месте выросла земля русская; землю же из левой руки сатанаила бог взял в свою левую руку и тоже разбросал по воде, и выросла земля не верная, на которой находятся другие государства. Выросла земля с морями, реками, озерами, лесами, болотами, горами и камнями.

Дал бог сатанаилу молот и велел дубить (ударять) в камень со словами—„господи благослови!“ Ударит сатанаил в камень, и из него выскочит ангел, богу поклонится и станет за него—по правую руку. Наколотил сатанаил много тысяч ангелов, так что ему стало забедно (завидно), что у бога стало много, у него нет никого. И вот он решил колотить молча. Ударит в камень, и из него выскочит бес с ногами, с собачьими ушами, тремя хвостами и огненными глазами; поклонится сатанаилу и за него становится. Так он набил себе бесов много тысяч. Пришел бог и видит, что бесов наколочено множество, а ангелов не прибавляется. Бог взял да и перекрестил камень своим крестом, после чего сатанаил уж сколько ни бил в камень, но ни ангелов, ни бесов больше от него не выскачивало.

Бог сказал сатанаилу: „будем небо работать. И начали работать: сатанаил сработал небо, бог—другое, бес—третье, бог—четверто, бес—пято, бог—шесто, а сатанаил, наконец, сработал седьмое. Бог от второго до шестого неба забрался со своими ангелами, а сатанаил—с первого до седьмого с бесами, где и

стал жить и богу не подчиняться. За это бог его не возлюбил, и стал его с бесами бросать на землю. И падала тогда нечистая сила с неба на землю сорок дней и сорок ночей (т. е. шесть недель). Таким образом, упавшие в моря бесы стали морскими цярями, в реки—водяными, в озера—озерными, в болота—болотными, в леса—лешими, на дома—домовыми, на дворы—дворовыми хозяевами, на бани—банными жихорями; все они пали с женами и детьми. Сам же сатана пал в ад и стал называться сатаною. Чертви же, которые пали на пустое место, пошли людей смущать и в грех вводить и стали называться дьяволами."

За рассказом этой интересной легенды мы не заметили, как участлились удары морской волны о борта нашего карбаса. Сбывалась примета опытного старика-помора „закипела в море пена“ и т. д., замеченная им при выезде из Шуи. По морю уже начиналось „настоящее“ волнение. Ветер крепчал, и наш карбас, под его порывистыми напорами сильно кренился на бок, а набегавшая волна то с боку, то с кормы и носу то и дело обдавала нас горько-солеными брызгами. Такое „путешествие“ по волнам породило во мне новое желание: переждать „погоду“ где-либо на ближайшем от нас из лесистых островков или лудушек; и как бы в ответ этому отозвалась кормщик:

— „Пристанем на „Частухи“—переждать погоду, и тотчас же направил карбас к видневшейся в дали небольшой „луде“, с белевшее на ней избушкой. Скоро мы пристали к этой „луде“, скрыв с безветренной стороны свой карбас.

Луда (остров), на которую мы пристали, была небольшая и лишенная растительности. Для приюта путников в непогоду на ней построена избушка. Не большое, площадью до 8 кв. сажен, бревенчатое строение с двумя крохотными оконцами и низкою дверью напоминало сказочный курень „яичной-бабичной“ на курьих ножках... Женки-гребцы, однако расположились в

этой избушке, как у себя дома, и тотчас же между ними завязался громкий разговор. Старик кормщик пошел кипятить чайник. Мне же не хотелось сидеть в тесной и прокоптившейся сажею избушке, и я пошел бродить по берегам „луды“. Море бушевало кругом; набегавшие на „луду“ волны разбивались с шумом о гранитные выступы последней, обдавая их целыми каскадами пенистых брызг... Стихия бушевала на просторе во всей своей величественной красоте.

К вечеру погода усилилась, и мы вынуждены были здесь переночевать. В первый раз приходилось мне делать „привал“ на крохотной скале среди рокочущей морской стихии. Как-то жутко становится в такие минуты под сильное завывание гуляющего на просторе ветра и стоны во тьме ночной исполина—моря!..

— „Марья, погода-то как разыгралась“, как бы в унисон бушевавшей стихии прозвучал в избушке плаксивый скорбный полуспот одной из моих возниц: „где-то мужики наши“.

— „А бог знат!“—со вздохом ответила другая женка: „спаси, господи, если на мори... на яруси...“

Спалось, скрючившись в три попибели, в тесной избушке плохо. Ночью старик-кормщик то и дело выходил к карбасу смотреть, не оторвало ли его и не унесло ли в море прибоем разъяренных волн.

К утру, наконец, погода стихла так-же почти не заметно, как она и началась. Опять мы получили возможность снова продолжать путь.

С лазуревого безоблачного неба весело глядело на земной мир румяное июльское солнце, обливая, на этот раз ало-красные „луды“ благодатными своими лучами. Море с берегов продолжало шуметь, хотя волнение его уже сменилось успокаивающею валобразною зыбию. Мы тронулись в путь. Близость Сороки придавала теперь энергии женкам-гребцам, которые дружно налегли на весла, подгоняя карбас все ближе и ближе к селу.

И. Дуров.

СЕЛЬСКИЙ

Исследование хлеба

В октябре месяце в заседании Карелии было о пьяном хлебе: щем и спорын действии и ядо нового урожая Карелии; доклад Карнаркомэздра производства издается, печатан в № 1 обоих случаях домление насекомых болеваний на хлеба нового урожая, болезни, и пр. очистку зерна этим указывает возможность изучения бедствия, давних областях Свердловской, щегося до сего времени и науч-

На протяжении мени неоднократно местной газеты, соединяющейся с Московской публицией явление о скотских складах, рынках, как пивного виновника занятое нами значения не привлечено, сделана в ших волостях и населении путем о пьяном